

УДК 94(47)"1917/22"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/49/7

«СЕЙЧАС ЦАРСКОЙ РОССИИ НЕТ – ЕСТЬ СОВЕТСКАЯ»: ВЗГЛЯДЫ ГАЛИЦКО-РУССКОГО СОЦИАЛИСТА К.М. ВАЛЬНИЦКОГО НА РЕВОЛЮЦИЮ, ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ И ИНТЕРВЕНЦИЮ

А.А. Иванов¹, А.А. Чемакин²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

² г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: chemakinanton@rambler.ru

Авторское резюме

Статья посвящена видному галицкому деятелю К.М. Вальницкому (1889–1937 (?)) – одному из лидеров русского («русофильского») движения в Австро-Венгрии и Польше. Имя Вальницкого, сторонника русского «национального демократизма» и лидера кружка галицко-русских социалистов, сегодня практически забыто. А между тем он оставил достаточно яркий след в истории, успев побывать активистом и русского, и украинского движения, депутатом польского Сейма, а также узником царской тюрьмы, печально известного австрийского концлагеря Талергоф, польских и советских лагерей. Впервые в отечественной и зарубежной историографии в статье подробно исследуются биография и взгляды Вальницкого. Особое внимание авторы уделяют его воззрениям на российскую революцию 1917 г., гражданскую войну, интервенцию и Советско-польскую войну. Опираясь на материалы архивов (ГАРФ, ЦДІАК України), обширный пласт публицистического наследия К.М. Вальницкого (статьи в львовских газетах «Прикарпатская Русь», «Русь», «Жизнь», «Воля народа»), а также на иные русские, украинские и польские источники, авторы вносят ряд уточнений в представления современной исторической науки о специфике галицко-русского движения первой четверти XX в.

Ключевые слова: К.М. Вальницкий, галицко-русское движение, революция 1917 года, гражданская война в России, интервенция, Советско-польская война, русины, Галичина.

“TODAY WE HAVE NO CZARIST RUSSIA – ALL WE HAVE IS SOVIET RUSSIA”: THE VIEWS OF GALICIAN-RUSSIAN SOCIALIST K.M. VALNITSKIY ON REVOLUTION, CIVIL WAR AND ARMED INTERVENTION

A.A. Ivanov¹, A.A. Chemakin²

¹ Saint Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

² Russia, Saint Petersburg

E-mail: chemakinanton@rambler.ru

Abstract

The paper tells about a prominent Galician public figure K.M. Valnitskiy (1889–1937 (?)), a leaders of Russian (Russophile) movement in Austro-Hungary and Poland. Valnitskiy was an advocate of the Russian national democratism and a leader of the Galician-Russian socialist coterie. Today his name is practically forgotten; however, he played a great role in history as an activist of both Russian and Ukrainian movements, a deputy of Polish Sejm and a prisoner of the Czarist jail, the infamous Austrian concentration camp Thalerhof as well as Polish and Soviet camps. For the first time ever in national and foreign historiography the article analyses Valnitskiy's biography and views. The authors place special emphasis on his opinions of the Russian revolution of 1917, Civil War, armed intervention and Soviet-Polish war. Through the lens of documentation in Russian and Ukrainian archives, K.M. Valnitskiy's abundant journalistic heritage (articles in Lviv newspapers “Prikarpat'skaya Rus”, “Rus”, “Zhizn”, “Volya naroda”) as well as other Russian, Ukrainian, and Polish sources, the authors offer insights into the contemporary historical studies concerning the specificity of the Galician-Russian movement of the early 20th century.

Keywords: K.M. Valnitskiy, Galician-Russian movement, Revolution of 1917, Russian Civil War, intervention, Soviet-Polish War, Rusins, Galicia.

Имя Кирилла Михайловича Вальницкого – галичанина, одного из активных деятелей русского «национального демократизма», как писал он сам (Вальницкий 1921а: 3), и лидера кружка «галицко-рус-

ских социалистов» – мало что говорит неспециалистам. Да и профессиональными историками, занимающимися русинской тематикой и историей русского («русофильского») движения Червонной Руси, его биография и взгляды до сих пор исследованы недостаточно. Между тем К.М. Вальницкий оставил достаточно яркий след в истории, успев побывать активистом и русского, и украинского движения, депутатом польского Сейма и узником царской тюрьмы, австрийского концлагеря Талергоф, польских и советских лагерей. Как и у многих политических деятелей начала XX в., его судьба была богата на неожиданные повороты и трагические события, а его взгляды не раз претерпевали значительные изменения.

К.М. Вальницкий родился в 1889 г. в семье униатского священника во Львове. Увлечшись в молодости социалистическими идеями, он, в силу своего происхождения и места жительства (Австро-Венгрия), в отличие от большинства российских социалистов, придавал особое значение национальному вопросу, отстаивая право русских галичан на национальную самобытность. В начале 1910-х гг., будучи студентом юридического факультета Львовского университета, Вальницкий стал лидером кружка галицких «национальных социалистов», группировавшихся вокруг журнала «Новая жизнь» (Львов) – первого русского печатного органа Галичины, целью которого было «выработать здоровое, цельное и прочное мировоззрение», стать «независимым органом передовой, смелой и творческой мысли молодежи русского Прикарпатья» (От редакции 1913: 1, 3). Осуждая «буржуазный национализм», Вальницкий и его единомышленники подчеркивали, что не могут игнорировать свою национальную идентичность, а потому бороться за торжество социализма они будут, «не переставая любить свой народ и защищать его национальные права» (От редакции 1913: 2). Считая себя представителем русского народа, испокон века живущего на Галичине, Вальницкий выступал с критикой украинского национализма, в котором видел средство раскола русского населения края в интересах великодержавной австрийской политики. Поэтому для сторонников украинства Вальницкий и его единомышленники были представителями «москвофильского социализма», «социалистического москвофильства», а то и «черносотенного москвофильства» (Донцов 1913: 110–111; Вместо ответа 1913: 19). Для российских социалистов и либералов, настроенных, как правило, космополитически, львовские «национальные социалисты» тоже были «белыми воронами». Единственной политической силой в России, чьи представители оказывали им поддержку, оказался Всероссийский национальный союз, а точнее один из его лидеров – граф В.А. Бобринский.

Вспоминая в 1920-е гг. этот период, Вальницкий отмечал, что в 1910-х группа его единомышленников прозябала, «теряя бóльшую часть своих сторонников в пользу явного галицкого цареславия и время от времени объявляя свои программные тезисы то с марксистской, то с эсеровской закваской». «Что это было? – рассуждал спустя годы Вальницкий. – Это был поиск дорог. С социализмом эта “социалистическая” группа не имела ничего общего, кроме желания быть социалистической» (Вальницкий 1928: 8). С другой стороны, на галицких «национальных социалистов» обратила внимание киевская охранка, которая во время приезда Вальницкого в Киев в 1911 г. устроила у него обыск и заключила его под стражу (ГАРФ 2: 35 об.). На допросе Вальницкий сообщил, что приезд его с товарищами в Россию «объясняется тем, что, как русские, желали мы познакомиться с русскими обычаями, научиться русскому языку и литературе» (ГАРФ 2: 38). А что касается найденной у него при обыске программы «национальных социалистов», то она была рассчитана исключительно на Галицию, и хотя эта программа «списывалась с готовой программы социалистов-революционеров», ее характер был чисто декларативный, выражавший настроения русского студенчества Галичины (ГАРФ 2: 38). Выручил тогда Вальницкого один из лидеров русских националистов граф В.А. Бобринский, обратившийся к П.А. Столыпину с письмом, в котором лидер «национальных социалистов» был аттестован как «горячий русский патриот», терпящий притеснения в Галиции «за русское дело». «Я, конечно, не знаю, какой имеется материал в руках Киевского охранного отделения, но очень сомневаюсь, чтобы Вальницкий был в чем-нибудь виновен. Во всяком случае, привлечение его вызовет громадный скандал и даст бесконечную пищу для глумления украинской прессы в Австрии и левой прессы в России», – предупредил граф (ГАРФ 1: 9). Ходатайство Бобринского не осталось без внимания, Столыпин обратился к директору Департамента полиции Н.П. Зуеву, и, несмотря на то что был составлен обвинительный акт, согласно которому Вальницкий участвовал в сообществе, созданном для насильственного посягательства на государственный строй России с заменой его на демократическую республику, суд признал львовского студента невиновным «ввиду совершенной недоказанности обвинения» (ЦДІАК України: 2–3, 24 об.).

Новый арест К.М. Вальницкого последовал в августе 1914 г., но на этот раз уже со стороны властей Австро-Венгрии. Если в Российской империи он был заподозрен в революционной деятельности, то в империи Габсбургов по доносу местных «мазепинцев» его обвинили в «шпионаже» и «русофильской агитации» (Алфавитный указатель). Вальницкий, назвавший себя на суде русским, попал в печально

известный концлагерь Талергоф, где подвергался одиночному заключению, избиениям и, наконец, подвешиванию за руки на дереве (Талергофский альманах 1930: 8, 149–154). В ноябре 1918 г., после крушения Австро-Венгрии, Вальницкий поддержал установление Западно-Украинской Народной Республики, обосновав это тем, что и у украинцев, и у русских один враг – поляки (Рибак 1960: 18). Одновременно с этим он вместе с экс-депутатом Палаты представителей Рейхсрата В.М. Куриловичем передал представителю французской миссии заявление о желании русского населения Прикарпатья соединиться в одно целое с русским народом и государством (Докладная записка 1919: 5). После победы поляков Вальницкий провел 10 месяцев в тюрьме, находился в лагере для интернированных. Затем, выйдя на свободу, стал редактором восстановленной «Прикарпатской Руси», получившей статус органа Русского исполнительного комитета во Львове. Первоначально его взгляды не сильно отличались от тех положений, которые отстаивало галицко-русское движение в начале 1910-х гг. В первом же номере газеты было заявлено ее кредо: «Перед лицом всего славянства, перед лицом мира мы устанавливаем, что наша страна, Червоная Русь, достояние Владимира Великого – искони русская земля» (Вальницкий 1920e: 1). В «Прикарпатской Руси», а затем на страницах газеты «Жизнь» Вальницкий в начале 1920-х гг. регулярно отзывался на трагические события современности, писал о судьбах галицких русинов, осмысливал опыт революции и гражданской войны в России.

Являясь социалистом, К.М. Вальницкий не был противником революции 1917 г., считая, что при всех недостатках она была неизбежна (Вальницкий 1920f: 1). Для него революция в России стала «великой», принесшей обновление русскому народу (Вальницкий 1920d: 1). Однако к большевикам его отношение поначалу было негативным. В конце 1920 г. в одном из частных писем он признавался: «Когда мы начали издавать газету, все мы были еще за Россию Деникина» (ГАРФ 3: 2). Но вскоре взгляды Вальницкого изменились, и свое первоначальное увлечение белыми он стал расценивать как ошибку. «Сейчас я убежден, – писал он в том же письме, – что мы были, как многие другие, в ошибке. Нам было не по пути идти с Россией Деникина или Врангеля <...> Я задавался целью, выступая против гражданской войны, сохранить до известной степени нейтралитет. Когда, после почти годичного заключения в польской тюрьме, я принялся опять за редакцию газеты, решил определенно порвать с нашими старыми традициями и все больше сгибать в сторону социализма, который – я убежден в этом – уже в ближайшем будущем явится системой государственных строев» (ГАРФ 3: 2–2 об.).

В апреле 1920 г. Вальницкий на страницах «Прикарпатской Руси» отмечал, что демократическое направление и социализм начинают свое триумфальное шествие по планете в силу «законов исторической эволюции» (Вальницкий 1920b: 1). «Не может подлежать малейшему сомнению, – писал он практически в духе советских газет, – что в силу исторической неизбежности мы переживаем сейчас эпоху победы демократического мировоззрения, то есть эпоху социального и политического освобождения трудящихся масс. <...> ...На почве экономического и нравственного банкротства существующих строев зиждется будущая и верная победа социализма. Русская революция явилась бесспорно первым и жертвенно смелым – ибо сказавшимся посредине войны – предвестником грядущего обновления человечества» (Вальницкий 1920b: 1). При этом Вальницкий полагал, что русским галичанам, «живущим в определенно отсталых и затхлых условиях воспитания», понимание демократического мировоззрения оказалось чуждым, так как многолетний национальный гнет способствовал тому, что «доктрина национальной свободы» оказалась для большинства из них ценнее социалистических лозунгов (Вальницкий 1920b: 1). Но поскольку разрешение национального вопроса немислимо для галицких русинов без решения наболевшего аграрного вопроса и избавления от политического порабощения, то, делал вывод публицист, по преимуществу своему крестьянский галицко-русский трудовой народ рано или поздно сделает свой выбор в пользу демократизма и социализма (Вальницкий 1920b: 1).

Рассматривая гражданскую войну в России как «великую трагедию», Вальницкий, вместе с тем, видел в ней «роковое и трагическое недоразумение»: «Стоят ведь друг против друга не настоящие враги, а всего два мировоззрения. И топчется кошмарный бой. Тут напрасно обвинять тех или других. Виновных нет» (Вальницкий 1920f: 1). В другой статье галицкий публицист так писал о последствиях русской смуты: «...Народ задыхается. Тут безразлично, кто виноват: Ленин ли, или Колчак и Деникин. Небезразлично и верно одно: русский народ уже третий год купается в собственной крови. Судьба трагичной иронии сделала [так], что, бросив клич “долой войну”, он воюет у себя дома, когда уже все кончили войну» (Вальницкий 1920a: 1). Осуждая воцарившийся в русском народе «злостный дух взаимоотрицания», Вальницкий верил в зарождение «новой национальной мысли, бескорыстной и чуждой мелкому партийному самолюбию» (Вальницкий 1920h: 1). Публицист выражал уверенность, что «рано или поздно Россия придет в себя и окрепнет» (Вальницкий 1920a: 1). А для этого, полагал он, необходимо отказаться от партийного догматизма и непримиримости к инакомыслию. «Только бы хватило сил и мужества

пойти за верным голосом народной совести и провести строгий анализ и самокритику. Только бы хватило убежденной и решительной веры в необходимость отказаться от предвзятых, упрямых доктрин...» (Вальницкий 1920h: 1).

Спасителем России Вальницкий весной 1920 г. готов был считать не того, кто любой ценой разгромит Деникина и Колчака, и не того, кто по трупам большевиков войдет в Кремль, а того, кто сможет восстановить разрушенный социальный мир, наладить нормальную жизнь и провести назревшие социальные реформы. Выступая от лица русских галичан, вынужденных наблюдать за событиями гражданской войны в России с территории другого государства, Вальницкий писал: «Нам в одинаковой мере дороги патриотизм Бурцева, чистейшей крови демократизм Керенского и прямолинейность тех, признать которых отказывается русская интеллигенция. Однако дороже всего для нас мысль о будущем русского народа. Поэтому нам чужда глубокая и упрямая вражда борющихся в России за власть и народ. И ждем мы не дождемся, когда кончится трагическое недоразумение братской войны, которая явилась объектом хитрых и явно недружелюбных международных великодержавных спекуляций. Миротворцы нужны русскому народу!» (Вальницкий 1920h: 1).

Стараясь находиться над схваткой красных и белых, Вальницкий недоумевал, во имя чего проливают свою кровь галичане, сражающиеся в рядах противоборствующих русских армий. Соглашаясь понять мотивы земляков, оказавшихся втянутыми в «русскую смуту» в начальный период противостояния, когда разобраться в сути гражданской войны было еще затруднительно, Вальницкий отказывался понимать галичан, которые и в 1920 г. продолжали участвовать в ней, поскольку стало ясно, что «братоубийственный спор сводится исключительно к причинам фатального упрямства» (Вальницкий 1920c: 1). Но при этом симпатии публициста явно были не на стороне белых, что видно из следующего пассажа: «...В то время, – писал он в августе 1920 г., – когда не решена еще судьба нашей галицкой родины, когда наши силы крайне раздроблены и нужна, прежде всего, концентрация нашей интеллигенции на местах, группа людей считает возможным продолжать вмешиваться во внутренние дела России, выступая в защиту химеры видоизмененной и окончательно обанкротившейся реставрации. Ибо не подлежит сомнению, что новый вождь добровольческой идеи (П.Н. Врангель. – *Авт.*) – хотя и сулящий аграрную реформу – не является вместе со своим правительством выразителем подлинной воли русского народа» (Вальницкий 1920c: 1). Поэтому, заключал Вальницкий, участие галичан в российской гражданской войне, «во имя каких бы

она лозунгов ни велась, не обещает никаких видов в пользу нашей теснейшей родины» (Вальницкий 1920с: 1).

«Мы не вмешиваемся во внутреннюю борьбу России, нам достаточно нашей внутренней галицкой тяжбы», – пояснял он свою позицию в 1921 г. (Вальницкий 1921h: 1). «Не будучи причастными к трагичной внутренней борьбе России, мы в силу этого определили наше отношение к ее драме как идейный нейтралитет», – говорилось в другой публикации (Вальницкий 1921f: 4). В этом плане представляет несомненный интерес его самоидентификация, которую он старался привить и своим читателям-галичанам: мы, писал Вальницкий, «русские-нероссияне» (Вальницкий 1921g: 3). Объяснялся такой подход следующими соображениями: «...Наше выжидательно-нейтральное отношение к России <...> является результатом не идейного безразличия, а просто того обстоятельства, что, будучи в прошлом отрезанными от государственной жизни России, мы не участвуем в настоящем ее революционном строительстве» (Вальницкий 1921f: 4).

Не обошел своим вниманием К.М. Вальницкий и участия в гражданской войне в России иностранных государств. Комментируя позицию, занятую Англией, публицист в феврале 1920 г. обращал внимание на двурушничество Туманного Альбиона, который, с одной стороны, организовывал товарооборот с Советской Россией, а с другой – оказывал поддержку белым. Отмечая, что, «опасаясь вторжения Красной армии в Персию и, чего доброго, впоследствии в Индию», Англия желает мира с Советской Россией, Вальницкий подчеркивал, что эта установка Лондона не имеет ничего общего с желанием мира для России. А потому, с точки зрения «союзников», «Гражданская война должна продолжаться. Должна продолжаться, созданная революцией, злая и кровавая драма русской распри» (Вальницкий 1920f: 1).

Вальницкий обвинял союзников по Антанте в фальши, в том, что свои империалистические замыслы они стремятся спрятать «в красноречивые фразы гуманности и дружбы по отношению к России», на деле проводя преступную политику против нее «с первого момента революции» (Вальницкий 1920f: 1). По его мнению, позиция, занятая европейскими державами в отношении противоборствующих лагерей в гражданской войне, была чужда каких-либо иных принципов, за исключением чисто прагматичного подхода. «Когда не хотелось допустить Россию на мирную конференцию, надо было дать поддержку Колчаку и Деникину, чтобы отказать большевикам в праве представительства России. Когда конференция близилась к концу и окрепшие Колчак и Деникин могли потребовать голоса, последовал их разгром. Сейчас, как ни в чем не бывало, следует возобновление

торговых отношений с Советской Россией, затем одновременно посылка английской средиземноморской эскадры в Черное море и, наконец, поддержка различных государств в борьбе с большевиками. Поставлен принцип: вести торговлю на севере, воевать на юге...» (Вальницкий 1920f: 1).

Комментируя создание европейскими державами санитарного кордона вдоль европейских границ Советской России, Вальницкий констатировал: «Сейчас союзники намерены окружить Россию сетью колючей проволоки и на ее страже поставить Польшу и Румынию. В удобный момент Польша и Румыния должны перейти проволоку, и тогда “начнется наступление”. Польша и Румыния должны спасти Россию! Есть ли в одном и другом государстве хоть намек на дружеское отношение к русскому народу? Нет. И ни в коем случае нельзя поверить, что “спасение” с очевидно корыстной целью принесет положительные результаты. Напротив, оно должно неизбежно дать новые осложнения и конфликты» (Вальницкий 1920a: 1).

Вальницкого также глубоко возмущало поведение союзников по Антанте в ходе мирной Парижской конференции, на которой не было представлено ни одно из правительств, претендовавших в тот момент на статус законной всероссийской власти. Но еще большее негодование публициста вызывало то, что вынося на своих плечах основную тяжесть войны с Германией Россия была обвинена союзниками в предательстве (за подписание сепаратного мира 3 марта 1918 г.). «Клемансо обвиняет русский народ в измене. Бросает оскорбление народу, который за время 1914–1916 [гг.] спасал и спас союзников и, прежде всего, Францию, обвиняет, не помня хотя бы одного момента, что, не будь русского наступления на Восточном фронте, не было бы победы на Марне», – возмущенно писал Вальницкий (Вальницкий 1920a: 1). «...Не будь России, – патетически замечал он, – жалкое место осталось бы там, где сейчас Клемансо произносит крикливые и пустые фразы» (Вальницкий 1920a: 1).

«Обвиняя Россию в измене, – продолжал публицист, – союзники забывают о том, что еще задолго до Брест-Литовского мира, то есть когда революционная Россия еще продолжала войну, Япония была уполномочена ими сдавить путем интервенции в Сибири русскую революцию. Кто же тогда, спрашивается, изменял: русская ли революция и русский ли народ союзникам или, наоборот, союзники русскому народу и продолжавшей вместе с ней воевать революционной России? Мало того, обвиняющие Россию союзники также легко забывают о том, как это Франция и Англия заключали *в тайне перед Россией* договор о распределении между собой “сфер влияния” в России: делали это, рассчитывая на катастрофические последствия революции, т.е.

желали заблаговременно разделить шкуру воевавшего еще тогда с ними рука об руку союзника» (Вальницкий 1922a: 3).

По мнению Вальницкого, если бы союзники уже во время мирных переговоров в Париже пошли на примирение с Советской Россией, «гражданская война, давшая России и русскому народу столько несчастий и горя, кончилась бы на два года раньше» (Вальницкий 1922b: 3). Но это было не в интересах иностранных государств, стремившихся ради своих выгод максимально ослабить бывшего союзника: «Нужно было, возмущаясь русской революцией, за всякую цену использовать ее *политически*. Нужно было, победив Германию, сразу же победить Россию и первым делом отодвинуть ее на восток», – писал Вальницкий. В итоге «пошли провололочные заграждения, санитарные кордоны, поддержка всех видов окраинного русского авантюризма и действенная помощь куражному, не по дням, а по часам растущему польскому империализму. Удивительно изобретательной по своим лозунгам была та наглость б[ывших] союзников, с которой они так горячо спасали Россию путем дружного против нее наступления. Линия наступления шла от Балтики до Каспийского моря. Центр оставался под командованием Франции – Польша, Украина; на флангах наступала Англия – новые балтийские государства и кавказские республики; зады России спасала Япония. Кажется, за исключением немцев, никто в этой войне не пережил более жестокого разочарования, чем те русские, которые ожидали от союзников т[ак] наз[ываемого] “спасения” России. Не Россию, а свою завистливую боязнь перед русским колоссом спасали союзники, свой необузданный голод экспансии спасала Япония, наконец, свою вскормленную тяжелыми событиями русской революции надежду пожить с русским трупом спасали все они вместе» (Вальницкий 1922c: 3).

Во время Советско-польской войны Вальницкий, живший на территории новообразованной Польской республики, не побоялся выступить с осуждением захватнических планов Польши в отношении Украины и антирусского вектора польской политики в целом. Публицист напоминал, что революционная Россия была «первой между союзниками, провозгласившей свободную Польшу», чем русская революция исполнила «честно свой долг в виду польского народа» (Вальницкий 1921i: 1). Он обвинял польских политиков в том, что они, зараженные «фантомом величия», продолжают жить «наивной мечтой Костюшко» о Польше «от Риги до Одессы и от Гданьска до Венгрии», тем самым показывая «преобладание чувства над велениями ума» (Вальницкий 1920i: 1). Желая независимой Польше процветания, публицист подчеркивал, что добиваться его за счет русских земель ни в коем случае нельзя, поскольку «будущая демократическая Россия

никогда не примирится с империализмом соседей». Но, с сожалением констатировал он, «нет никого в Польше, кто понял бы эту очевидную действительность» (Вальницкий 1920i: 1).

Цитируя публикации польских газет, в которых говорилось о враждебности Польши любой России – как большевистской, так и деникинской, Вальницкий указывал на национальный, а не классовый характер советско-польского противостояния. «Конечно, большевики тут ни при чем, – писал публицист. – Борьба тут идет не за программу или режим внутренней русской политики, и, понятно, она не имеет ничего общего с русской гражданской войной, наконец, ведется она ведь не в хваленую “защиту культуры”, а просто во имя польских державных аспираций. Не может быть сомнения, что если бы в России стоял у власти не Ленин, а, скажем, Деникин – рано или поздно – также неминуемо последовал бы русско-польский конфликт. Ибо война эта <...> идет с самого своего начала за разграничение русского и польского народов» (Вальницкий 1920j: 1).

Не являясь сторонником большевиков, Вальницкий был далек и от того, чтобы следовать примеру некоторых их противников, поспешивших поддержать Польшу, которая вела вооруженную борьбу якобы не с Россией, а с коммунистами. «Хорошо было бы, внушая такой взгляд русским, – писал он, – прежде всего убедить в этом поляков». Для него было очевидно, что со стороны Польши эта война ведется со «всей Россией», а не только с захватившими в ней власть большевиками (Вальницкий 1920g: 1–2). В связи с этим Вальницкий подвергал резкой критике Б.В. Савинкова, Д.В. Философова и других российских антибольшевистских деятелей, которые, по его мнению, сами не заметили того, как, борясь с Россией Советской, стали бороться «вообще против всего русского народа» (Вальницкий 1921j: 1).

Расценивая Советско-польскую войну как очередной этап «исторического русско-польского конфликта», Вальницкий признавался: в какой-то момент ему стало казаться, что «русский домашний спор уступил на задний план перед потребностью самозащиты». «Раскол и гражданская война в России начались в момент, когда большевики отказались защищать родину. Может, сегодня, когда происходит противоположное, последует примирение» (Вальницкий 1920h: 1), – выражал надежду публицист, оказавшаяся, как известно, иллюзией.

Не остался Вальницкий равнодушным и к голоду, поразившему Россию во время гражданской войны. В газете «Русь», ставшей преемницей «Прикарпатской Руси», он призывал русских галичан не оставаться равнодушными свидетелями страданий, постигших Россию. «Мы не можем и не смеем оставаться безучастными, – писал он, – если в самом деле подлинно и живо в нас чувство национального

родства. Не можем и не смеем забывать о том, что было время, когда мы пользовались семенами России как бескорыстно оказанной нам братской помощью. Дадим же и мы нашу лепту истощенной ныне России. Пусть это будет капля в море. Пускай, однако, эта капля утолит жажду нескольких голодных детей в России. Пускай наша скромная жертва удовлетворит голос нашей национальной совести» (Вальницкий 1921b: 1).

Лояльная к Советской России позиция К.М. Вальницкого не осталась незамеченной. Польская и западноукраинская пресса язвительно писала, что если в дореволюционные времена галицкие русины-«москвофилы» были консервативны и мечтали о русском «царе-бабушке», то после революции 1917 г. они превратились в демократов большевистской направленности (Вальницкий 1921c: 3). Впрочем, это обвинение хотя и не было лишено оснований в отношении ряда русских («русофильских») организаций Галиции, но в отношении Вальницкого и его соратников грешило явной несправедливостью, ведь, как было показано выше, и до революции они сочувствовали социалистическим идеям и называли себя сторонниками национальной демократии. (В связи с этим публицист напоминал своим обвинителям, что «социалистическое крещение» он получил в царской тюрьме (Вальницкий 1923b: 2)). Тем не менее Вальницкий решил ответить на эти обвинения тем, что он и его единомышленники всегда были друзьями России, какой бы она ни была. «Реакционность “москвофильства”, – писал он, – была, к сожалению, непосредственным отражением реакционности старой России. Станет ли, между тем, кто осуждать новую революционную Россию за грехи царской России?..» (Вальницкий 1923b: 2). «Сейчас царской России нет, – есть советская», – пояснял публицист свою лояльность победившим в гражданской войне большевикам. В другой своей публикации симпатии к революции он объяснял так: «...Только будущая Россия, Россия крестьянской республики может явиться для нашей тесной родины тем подлинным фактором, иллюзии которого обманчиво сулило нам в былое время русское самодержавие» (Вальницкий 1921f: 5).

Касался Вальницкий в своих публикациях, конечно же, и судьбы родной ему Галиции, оказавшейся разменной монетой в хитросплетениях мировой политики. Вспоминая в 1921 г. свои чаяния и надежды, публицист писал, что занятие Львова поляками первоначально не разрушило надежды на то, что Червонная Русь отойдет по итогам мирной конференции к России. Когда же выяснилось, что увязшая в гражданской войне Россия не будет допущена на конференцию в Париже, с ее интересами европейские державы считаются не собираются, а вооруженная борьба с поляками закончилась «уничтожением

стотысячной галицкой армии», галичинами, по словам публициста, «завладело стихийное уныние». «Нам осталась разоренная, ограбленная деревня и круглый произвол неизвестного будущего», – заключал Вальницкий (Вальницкий 1921d: 1). В этих условиях галицкой интеллигенции пришлось искать новые пути, «чтобы на фоне создавшихся условий найти прочную, отвечающую нуждам времени платформу». «Ясно было, – констатировал Вальницкий, – что багаж довоенных доктрин и традиций является обузой» (Вальницкий 1921e: 1). «После мартовской революции, затем октябрьской, Брест-Литовского мира, наконец, огромного роста украинского самостийничества как фактора уже не партийно-политического свойства, а государственного и международного значения в сознании сторонников русского движения должен был с неизбежностью последовать перелом, вызванный стихийно бушующими событиями, уничтожившими корни всего того, что считалось большинством из нас мощью России», – писал Вальницкий (Вальницкий 1921f: 4). «...Был момент, – вспоминал публицист, – когда у нас верили в Колчака и Деникина как носителей идей старой, царской России». Но затем к нему пришло убеждение, что «попытки спасти русский народ реакцией безнадежны и деструктивны» (Вальницкий 1921f: 4).

В дальнейшем взгляды К.М. Вальницкого претерпели очередные изменения. Если в начале 1920-х гг. он и его соратники – национальные социалисты – продолжали рассматривать себя как часть русского движения и выступали против «украинства», то затем группа Вальницкого продолжила свою эволюцию влево, заслужив обвинения в большевизме. Группа Вальницкого сперва искала союзников среди левых русских эмигрантов (в частности, в 1920–1921 гг. были попытки сотрудничества с А.Ф. Керенским и эсерами) (Вальницкий 1928: 12), но с середины 1920-х гг. галицко-русские социалисты стали сближаться с коммунистами, подпав вскоре под влияние Коминтерна. В то время Вальницкий выдвинул концепцию «двуединого украинско-москвофильского движения», согласно которой и украинцы, и «москвофилы» в Восточной Галиции были просто различными элементами одного и того же национального движения. Став главным редактором львовской газеты «Воля народа», он стал пропагандировать эту концепцию с ее страниц (отсюда и новое название его группы – «воленародовцы»). «Все горе обеих национальных групп, “москвофильской” и украинской состояло, в том, что они оставались под влиянием *посторонних* факторов – с одной стороны, Австрии и, с другой стороны, России», – писал Вальницкий в 1923 г. (Вальницкий 1923a: 3). Он критиковал «москвофильских староверов» за то, что они не могут освободиться от «доктринерской узости» и мешают

галицким «москвофилам» идти «навстречу с украинск[ой] действительностью». И в то же время отказывался понять, почему украинские националисты также противятся этому сближению, стремясь «загнать “москвофильство” в тупик великоруссизма» (Вальницький 1923a: 3). Тогда Вальницький так формулировал свой взгляд на национальный вопрос: «Никто из галицко-русских социалистов не намерен отрицать существование украинского народа в то время, когда он себя таким *самоопределяет*. Из этого, однако, ничуть не следует необходимость отказывать части этого народа в праве признавать себя русской. <...> Никто из галицко-русских социалистов не отказывается от борьбы за свободу национальных прав украинцев, все они, однако, претендуют на такое же содействие украинцев по отношению к желающим быть русскими» (Вальницький 1923b: 3).

В мае 1924 г. на базе кружка и газеты им была создана партия «Народная воля», основу которой составляли бывшие национальные социалисты. А в 1926 г. последовал очередной крутой поворот – бывший «русский галичанин» заявил о себе как об украинце: «Народная воля» перешла на украинскую сторону, аргументируя это тем, что «члены социалистической партии должны рассматривать реальность таковой, какова она есть», что они не должны допустить монополию священников и националистов в украинском национальном движении. В итоге партия отеклась от своего русского прошлого и объявила себя частью украинской нации (Solchanuk 1973: 176–179). По иронии судьбы Вальницький, отстоявший в годы Первой мировой войны свою «русскость» под австрийскими пытками, добровольно отказался от нее, желая приспособиться к новому «украинизаторскому» курсу Москвы. Он «украинизировал» свою газету, до этого выходившую на русском языке (Яворский 1924: 25), а в октябре 1926 г. произошло объединение «воленародовцев» с холмско-волынским украинским «Сель-Союзом» в единую легальную партию «Сельроб» (Українське селянсько-робітничє соціалістичне об'єднання), основной целью которой было охватить те сферы политической жизни, которые были недоступны для коммунистов, находившихся в подполье (Пиріг 2013: 31). Вальницький стал одним из лидеров новой партии.

Как будто стремясь оправдать свой переход на украинские позиции и доказать, что он сохранил прежнюю пророссийскую ориентацию, пусть и в иной форме, Вальницький критиковал своих бывших соратников по русскому движению, ориентировавшихся на белую эмиграцию: «Нынешнее послевоенное и послереволюционное галицкое москвофильство – это ориентация не на ту Москву, что в Москве, а на ту Москву, что в Париже, Лондоне, Варшаве. Мимоходом говоря,

нынешнее москвофильство исключает даже самую возможность той прежней аграрной легенды (имеется в виду распространенная среди простонародья легенда о приходе «белого царя», который отнимет землю у польских помещиков и раздаст ее галицким крестьянам. – *Авт.*), потому что каждый крестьянин знает сейчас хорошо, что белое царское движение бывшей единой неделимой России, движение, которое прячется ныне в столицах империалистического Запада, это движение направлено на то, собственно, чтобы землю у крестьян отобрать» (Вальницкий 1928: 11).

При расколе «Сельроба» в 1928 г. Вальницкий возглавил левую его часть («Сельроб-Левица»), полностью ориентировавшуюся на линию Коминтерна, проводимую из Москвы. На выборах в польский Сейм в марте 1928 г. за «Сельроб-Левицу» отдали свои голоса 1,26 % избирателей Польши. При этом сам Вальницкий смог получить депутатский мандат от округа № 51 (Львовский, Жолкевский, Сокальский, Рава-Русский, Яворовский и Любачевский повяты), где за партийный список было отдано 9,72 %. А в Жолкевском повяте, который был одним из главных оплотов русского движения перед Первой мировой войной, партия Вальницкого и вовсе заняла первое место с 25,87 % голосов (Rzerepecki 1928: 106). Таким образом, промосковская ориентация значительной части жолкевских крестьян оставалась прежней, правда, теперь она приняла достаточно специфические формы голосования за украинский прокоммунистический список с некоторым «русофильским» оттенком.

После роспуска Сейма в 1930 г. Вальницкий, опасаясь преследований со стороны польских властей, вынужден был выехать в Берлин, а оттуда перебраться в СССР. Приняв советское гражданство, в течение нескольких лет он работал прокурором, пока в 1937 г. не попал под каток репрессий. Нужный большевикам на Западной Украине, но совершенно бесполезный и даже опасный на Украине советской, К.М. Вальницкий был арестован. Точная дата его смерти неизвестна. По одним данным, он умер в ссылке (*Kto był kim* 1994: 462), по другим – в лагере (Вальницкий 1955: 206). Существует также мнение, что Вальницкий был расстрелян в 1937 г., однако каких-либо фактов, это подтверждающих, не приводится. Так или иначе очевидно, что жизнь этого незаурядного деятеля галицко-русского движения оборвалась «в эпоху культа личности» (Алфавитный указатель).

История жизненного пути и политических взглядов К.М. Вальницкого представляет несомненный интерес не только в силу незаурядности личности галицкого деятеля, но и как наглядный пример влияния трагических событий, происходивших в России, на русское движение Галичины.

Solchanyk 1973 - *Solchanyk R.* The Communist Party of Western Ukraine, 1919–1938 (PhD dissertation). Ann Arbor: University of Michigan, 1973.

Алфавитный указатель - Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси с биографическими и библиографическими данными. URL: <http://personalhistory.ru/papers/talergof.txt> (дата обращения: 03.05.2017).

Вальницкий 1920a - *Вальницкий К.* Дружба колючей проволоки // Прикарпатская Русь. 1920. 16 янв. № 45.

Вальницкий 1920b - *Вальницкий К.* Первый мая // Прикарпатская Русь. 1920. 30 апр. № 59.

Вальницкий 1920c - *Вальницкий К.* Во имя чего? // Прикарпатская Русь. 1920. 13 авг. № 74.

Вальницкий 1920d - *Вальницкий К.* Воспоминания и рефлексии о прошлом, мысли о настоящем // Прикарпатская Русь. 1920. 3 сент. № 77.

Вальницкий 1920e - *Вальницкий К.* Два года // Прикарпатская Русь. 1920. 24 дек. № 93.

Вальницкий 1920f - *Вальницкий К.* Драма русской распри // Прикарпатская Русь. 1920. 13 февр. № 49.

Вальницкий 1920g - *Вальницкий К.* Колебания русской мысли // Прикарпатская Русь. 1920. 28 мая. № 64.

Вальницкий 1920h - *Вальницкий К.* Миротворцы нужны // Прикарпатская Русь. 1920. 21 мая. № 62.

Вальницкий 1920i - *Вальницкий К.* По поводу приезда представителей русской демократии в Варшаву // Прикарпатская Русь. 1920. 30 янв. № 47.

Вальницкий 1920j - *Вальницкий К.* Эпилог всемирной войны // Прикарпатская Русь. 1920. 5 марта. № 52.

Вальницкий 1921a - *Вальницкий К.* Т.Г. Шевченко. (Речь, произнесенная на концерте дня 24 апреля 1921 г.) // Прикарпатская Русь. 1921. 30 апр. № 110.

Вальницкий 1921b - *Вальницкий К.* Дадим нашу лепту // Русь. 1921. 23 сент. № 1.

Вальницкий 1921c - *Вальницкий К.* Лишний раз // Прикарпатская Русь. 1921. 28 янв. № 97.

Вальницкий 1921d - *Вальницкий К.* На повороте // Прикарпатская Русь. 1921. 9 апр. № 107.

Вальницкий 1921e - *Вальницкий К.* На повороте // Прикарпатская Русь. 1921. 16 апр. № 108.

Вальницкий 1921f - *Вальницкий К.* На повороте // Прикарпатская Русь. 1921. 30 апр. № 110.

Вальницкий 1921g - *Вальницкий К.* Не по пути // Прикарпатская Русь. 1921. 14 февр. № 99.

- Вальницький 1921h - *Вальницький К.* Некуда уступать // Прикарпатская Русь. 1921. 21 янв. № 96.
- Вальницький 1921i - *Вальницький К.* По поводу мира // Прикарпатская Русь. 1921. 18 марта. № 104.
- Вальницький 1921j - *Вальницький К.* Скатертью дорога! // Русь. 1921. 7 нояб. № 7.
- Вальницький 1922a - *Вальницький К.М.* От Версаля до Генуи. III // Жизнь. 1922. 25 сент. № 3.
- Вальницький 1922b - *Вальницький К.М.* От Версаля до Генуи. IV // Жизнь. 1922. 2 окт. № 4.
- Вальницький 1922c - *Вальницький К.М.* От Версаля до Генуи. VI // Жизнь. 1922. 16 окт. № 6.
- Вальницький 1923a - *Вальницький К.* Непонимание (Продолжение) // Воля народа. 1923. 10 дек. № 183/6.
- Вальницький 1923b - *Вальницький К.* Непонимание (Окончание) // Воля народа. 1923. 14 дек. № 185/7.
- Вальницький 1928 - *Вальницький К.* До історії право-й-ліво селробрівських ухилів. Львів: Видавництво газети «Сель-Роб», 1928.
- Вальницький 1955 - *Вальницький Кирило* // Енциклопедія Українознавства. Словникова частина: в 10 т. Париж; Нью-Йорк: Молоде Життя, 1955. Т. 1. Вместо ответа 1913 - Вместо ответа // Новая жизнь. 1913. № 2.
- ГАРФ 1 - Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 7. 1911 г. Д. 986.
- ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 313.
- ГАРФ 3 - ГАРФ. Ф. Р-5966. Оп. 1. Д. 47.
- Докладная записка 1919 - Докладная записка делегата Русского исполнительного комитета во Львове д-ра Э.М. Вальницкого. Одесса, 1919.
- Донцов 1913 - *Донцов Д.* Новая жизнь // Украинская жизнь. 1913. № 2. От редакции 1913 - От редакции // Новая жизнь. 1913. № 1.
- Пиріг 2013 - *Пиріг М.* Становлення та організаційні принципи діяльності «Українського селянсько-робітничого соціалістичного об'єднання» («Сель-роб») у 1926–1928 роках // Мандрівець. 2013. № 4.
- Рибак 1960 - *Рибак М.* Листопадові дні і Військовий суд у Львові // Українська Галицька Армія. У 40-річчя її участі у визвольних змаганнях в 1918–1920 рр. Матеріяли до історії. Вінніпег: Видавець Д. Микитюк, 1960. Т. II.
- Талергофский альманах 1930 - Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпаторусским народом во время всемирной войны 1914–1917 гг. Выпуск третий. Львов: Издание Талергофского комитета, 1930.
- ЦДІАК України - Центральний державний історичний архів України, м. Київ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2259.

Яворский 1924 - Яворский Ю.А. Материалы по галицко-русской библиографии. Библиографический список публикаций, вышедших в Галичине на русском языке в послевоенный период 1918–1923 гг. Львов: Живое слово, 1924.

REFERENCES

Majchrowski, J.M., Mazur, G. & Stepan, K. (eds) (1994) *Kto był kim w Drugiej Rzeczypospolitej*. [Who was who in the Second Republic]. Warsaw: BGW.

Rzepecki, K. & Rzepecki, T. (1928) *Sejm i Senat 1928–1933: podręcznik zawierający wyniki wyborów w województwach, okręgach i powiatach, podobizny posłów sejmowych i senatorów, statystyki i mapy poglądowe* [Sejm and Senate in 1928–1933: textbook containing the results of the elections in voivodships, districts and counties, likeness of parliamentary deputies and senators, statistics and overview maps]. Poznań: Wielkopolska Księgarnia Nakładowa Karola Rzepeckiego.

Solchanyk, R. (1973) *The Communist Party of Western Ukraine, 1919–1938*. PhD Diss. Ann Arbor: University of Michigan.

Mirovich, R.D. (1971) *Alfavitnyy ukazatel' zhertv avstro-mad'yarskogo terrora vo vremena pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg. na oblastiakh Galitskoy i Bukovinskoj Rusi s biograficheskimi i bibliograficheskimi dannymi* [The Alphabet Index of the Victims of the Austro-Magyar Terror during World War I in 1914–1918]. [Online] Available from: <http://personalhistory.ru/papers/talergof.txt> (Accessed: 3rd May 2017).

Valnitskiy, K.M. (1920a) *Druzhba kolyuchey provoloki* [Friendship of barbed wire]. *Prikarpatskaya Rus'*. 16th January.

Valnitskiy, K.M. (1920b) *Pervyy maya* [The May Day]. *Prikarpatskaya Rus'*. 30th April.

Valnitskiy, K.M. (1920c) *Vo imya chego?* [In the name of what?]. *Prikarpatskaya Rus'*. 13th August.

Valnitskiy, K.M. (1920d) *Vospominaniya i refleksii o proshlom, mysl' o nastoyashchem* [Memories and reflections on the past, thoughts of the present]. *Prikarpatskaya Rus'*. 3rd September.

Valnitskiy, K.M. (1920e) *Dva goda* [Two years]. *Prikarpatskaya Rus'*. 24th December.

Valnitskiy, K.M. (1920f) *Drama russkoy raspri* [The drama of Russian strife]. *Prikarpatskaya Rus'*. 13th February.

Valnitskiy, K.M. (1920g) *Kolebaniya russkoy mysli* [Fluctuations of Russian thought]. *Prikarpatskaya Rus'*. 28th May.

Valnitskiy, K.M. (1920h) *Mirotvortsy nuzhny* [We need peacekeepers]. *Prikarpatskaya Rus'*. 21st May.

Valnitskiy, K.M. (1920i) Po povodu priezda predstaviteley russkoy demokratiy v Varshavu [On the arrival of representatives of Russian democracy in Warsaw]. *Prikarpatskaya Rus'*. 30th January.

Valnitskiy, K.M. (1920j) Epilog vseмирnoy voyny [Epilogue of World War I]. *Prikarpatskaya Rus'*. 5th March.

Valnitskiy, K. (1921) T.G. Shevchenko (Rech', proiznesennaya na kontserte dnya 24 aprelya 1921 g.) [Speech dedicated to Shevchenko]. *Prikarpatskaya Rus'*. 30th April.

Valnitskiy, K.M. (1921a) Dadim nashu leptu [Let us make our contribution]. *Prikarpatskaya Rus'*. 23rd September.

Valnitskiy, K.M. (1921b) Lishniy raz [Once again]. *Prikarpatskaya Rus'*. 28th January.

Valnitskiy, K.M. (1921c) Na povorote [At the turn]. *Prikarpatskaya Rus'*. 9th April.

Valnitskiy, K.M. (1921d) Ne po puti [Out of the way]. *Prikarpatskaya Rus'*. 14th February.

Valnitskiy, K.M. (1921e) Nekuda ustupat' [Nowhere to concede]. *Prikarpatskaya Rus'*. 21st January.

Valnitskiy, K.M. (1921f) Po povodu mira [Concerning the peace treaty]. *Prikarpatskaya Rus'*. 18th March.

Valnitskiy, K.M. (1921g) Skatert'yu doroga! [Then piss off!]. *Rus'*.

Valnitskiy, K.M. (1922) Ot Versalya do Genui. [From Versailles to Genoa]. *Zhizn'*. 5th September.

Valnitskiy, K.M. (1923) Neponimanie [Misunderstandings]. *Volya naroda*. 10th December.

Valnitskiy, K.M. (1928) *Do istorii pravo-y-livo sel'robiv's'kikh ukhiliv* [To the history of the right and left deviations in the Ukrainian peasant-worker socialist association]. Lviv: [s.n.].

Anon. (1955) Valnitskiy, Kirillo [Valnitskiy, Kirillo]. In: Kubyovych, V. (ed.) *Entsiklopediya Ukraїnoznavstva* [Encyclopedia of Ukrainian Studies]. Vol. 1. Paris, New York: Molode zhittya.

Anon. (1913) Vmesto otveta [Instead of an answer]. *Novaya zhizn'*. 2.

The State Archives of the Russian Federation. Fund 102. DP 7. File 986

The State Archives of the Russian Federation. Fund 63. List 47. File 313.

The State Archives of the Russian Federation. Fund R-5966. List 1. File 47.

Valnitskiy, E.M. (1919) *Dokladnaya zapiska delegata Russkogo ispolnitel'nogo komiteta vo L'vove D-ra E.M. Val'nitskogo* [Memorandum of E.M. Val'nitskiy]. Odessa: [s.n.].

Dontsov, D. (1913) *Novaya Zhizn'* [New life]. *Ukrainskaya zhizn'*. 2.

Anon. (1913) Ot redaktsii [Editorial]. *Novaya zhizn'*. 1.

Pirig, M. (2013) Stanovlennya ta organizatsiyini printsipi diyal'nosti "Ukraїn's'kogo selyans'ko-robotnichogo sotsialistichnogo ob'ednannya"

("Sel'rob") u 1926–1928 rokakh [The formation and organizational principles of "Ukrainian Peasant Socialist Labor Union"]. *Mandrivets*. 4.

Ribak, M. (1960) Listopadovi Dni i Viys'koviy Sud u L'vovi [November days and the Military Court in Lviv]. In: Levitsky, K. et al. *Ukrains'ka Galits'ka Armiya. U 40-richchya її uchasti u vizvol'nikh zmagannyakh v 1918–1920 rr.* [Ukrainian Galician Army. The 40th anniversary of its participation in the liberation struggles in 1918–1920]. Vol. 2. Winnipeg: D. Mikityuk.

Talerhof Committee. (1930) *Talergofskiy al'manakh. Propamyatnaya kniga avstriyskikh zhestokostey, izuverstv i nasiliy nad karpatorusskim narodom vo vremya vsemirnoy voyny 1914–1917 gg.* [Talerhof Almanac. A Memorable Book of Victims of Austrian Violence during World War I]. Vol. 3. Lviv: Tipografiya Stavropigiyskogo instituta.

The Central State Archives of Ukraine (Kyiv). Fund 318. List 1. File 2259.

Yavorskiy, Yu.A. (1924) *Materialy po galitsko-russkoy bibliografii. Bibliograficheskiy spisok publikatsiy, vyshedshikh v Galichine na russkom yazyke v poslevoennyi period 1918–1923 gg.* [Materials on the Galician-Russian bibliography. Bibliographic list of publications published in Galicia in Russian in the post-war period of 1918–1923]. Lviv: [s.n.].

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Ivanov Andrei - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук (Россия).

Chemakin Anton - Saint Petersburg (Russia).

E-mail: chemakinanton@rambler.ru